

Виктор Васильевич Брюховецкий родился в 1945 году в городе Алейске Алтайского края. Окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения. Служил в Советской Армии, работал в Российском центре «Прикладная химия». Автор 12 поэтических сборников. Лауреат Международной Пушкинской премии (Нью-Йорк), премий журналов «Нева», «Москва», «Наш современник», всероссийской литературной премии им. А. Прокофьева, им. Р. Рождественского. Член Союза писателей России. Живет в поселке Кузьмолово Ленинградской области.

Виктор Брюховецкий

ЖИЗНЬ ЛЕТИТ И НЕ КОНЧАЕТСЯ

* * *

Читаю сказку по седьмому кругу.
Снега метут. Счастливая пора —
Следи слова да молча слушай вьюгу,
Грохочущую ставнями с утра.

Уроков нет. Закрыты магазины.
Спят поезда, уткнутые в пургу.
Отец каблук из зисовской резины
Неспешно прибывает к сапогу.

Играет кот колечками подзора.
На окнах лед, за окнами ни зги.
И Сталин жив-здоров, и лето скоро,
И батя ладно ладит сапоги.

Такие сапоги, что нате-будьте!
В таких легко возьмешь любую даль...
А в сказке снова камень на распутье —
И жить охота, и конягу жаль.

Направо ехать — быть убиту, значит.
Налево ехать — значит, пешим стать.
Сжимаю повод — лошадь прямо скачет.
Скакать тебе, Каурый, не устать!

ПЯТИДЕСЯТЫЕ...

Набухала тоска в каждой вене и жиле.
Пламенели закаты. Гремели ветра...
Мы тогда не сходили с ума — просто жили,
Постигали, как эта ведется игра.

Как нечестные честных в грехах обвиняли,
Как, предвидя барыш, набирали по две,
И меняли столы, и колоды меняли,
И хлюздили¹, храня козыря в рукаве...

Весны падали с гор и шумели крылами,
Стаи птиц гоготали над ширью степей,
И река, шевеля голубыми валами,
Плоскодонные лайбы срывала с цепей.

У далеких поскотин отары клубились,
Увозили на запад оброк поезда,
И в предчувствие счастья мы солнцу молились,
А кому еще было молиться тогда?

* * *

Легко и торжественно, крылья на бедрах,
Ты шла от колодца, волнуя село,
Стояла вода в заколдованных ведрах,
И в каждом по тысяче радуг цвело.

Сверкая слюдой над высокой осокой,
Звенели стрекозы, и день золотой,
Пронизанный солнцем и песней далекой,
Отавами пах и полынной верстой.

И облако мчалось, и ласточки мчались,
Тяжелой пшеницей грузнели поля,
И ведра качались, и бедра качались,
И ветер, качаясь, качал тополя.

Орал на заборе в полуде и глянце
Петух остроглазый, от солнышка ряб.
Я видел и слышал. Мне было тринадцать.
Когда бы семнадцать.
Пятнадцать хотя б...

* * *

...А на том берегу!..
А на том берегу
Небо ленту цветную согнуло в дугу.
Тополь хлопнул в ладоши и влажным лицом
Повернулся к крыльцу, а вверх над крыльцом
Две касатки щебечут на ржавом гвозде —
Значит, будет гнездо, значит, скоро в гнезде

---

¹ Хлюзда (*жарг.*) — ненадежный партнер, тянущий игру на себя.

Будет выводок новый.
Плодись, мошкара!..
Я несу от колодца ведро серебра.
Я собаку пою
И скотину пою,
Я с касатками вместе о жизни пою.
— Хороша ль? — говорю.
Говорят: — Хороша!
И от радости этой вскипает душа.
День июньский погож. Бездна неба, и в ней
Люди в белом по облаку водят коней.
Кони крыльями бьют!..
Золотая пора!
У соседки косынка — что пламя костра.
У соседки плечо — золоченая медь!
Прикоснуться к нему — и не жаль умереть!
Ходит пьяный туман вдоль избы, вдоль плетня,
Накрывает овчиною душной меня;
И жарой разогретый, гоняя тоску,
Я слежу за соседкою, словно бегу,
Задыхаясь,
А кровь до виска достает,
Застилает глаза и дышать не дает.

* * *

Чем-то новым даль окрашена,
Словно и не наяву.
До чего ж планета страшная,
А ведь я на ней живу.

О своем плохом не думаю,
О хорошем не молю,
И судьбу свою угрюмую
Никому не уступлю.

Потому как мне завещано
Жить на свете до ста лет,
Мне завещана и женщина,
Чтоб хранить меня от бед.

Руки гладить, плечи, волосы...
С этой женщиной вдвоем,
Если — что,
Мы на два голоса
Песни грустные поем.

* * *

Вот как хочется знать — что случится еще и когда!..
Посмотрю в небеса — небо синее чисто и светло,
Ястреба высоки, говорлива на спаде вода,
И упрuga полынь под потоками легкого ветра.

Тишина, тишина... На сто верст ковыли да бахча
Да под сердцем тоска от какой-то неясной тревоги.
Острый тополь стоит, как зажженная в поле свеча
В память тех, кто прошел по извилистой этой дороге.

Жизнь, и вправду, крива... Просто быть и дышать — экий труд!
А еще надо жить, создавать и творить для грядущих.
Я вперед посмотрю — по всему горизонту идут,
Я назад оглянусь — нет числа этой прорве идущих.

О, бурлящий поток!.. Но однажды иссякнет вода,
Кто замрет на бегу, кто останется сиднем в коляске.
Серый волк упадет, и царевна уже никогда
Не узнает — а что с нею станет в конце этой сказки.

* * *

Труба облезла, ставни серые,
Подгнивший верх...
Мне из моих любовей — первая —
Дороже всех.

Приду на речку, брошу камушек:
«Ну, как ты здесь?»
Журчит в ответ как десять кумушек.
Родная песнь!

Комбайн шумит. Пшеница спелая.
Зерно к зерну.
Глоток воды из речки сделаю,
В лицо плесну...

На корешках вода настояна.
Знакомый вкус.
Роняет птица — слушай, родина! —
Стекляшки бус.

Тростник шумит, полынь качается,
Летит пыльца.
И жизнь летит, и не кончается.
И нет конца.

* * *

Говорят, что ад крошечный
Жить со мной, а ты не верь.
Навести меня.
Я нежный.
Заходи, открыта дверь.
Я тобой одной болею,
Но, как речка, день за днем

Я мелею. Обмелею,
Не найдешь потом с огнем.
Навести. Такая малость!
Пара слов... Стакан воды...
Нам и жизни-то осталось —
От заката до звезды.

* * *

И воздуху мало, и трудно дышать.
Убогая жизнь все тоскливей и глуше.
Рожать бы не надо, но надо рожать...
Бескрайнее небо. Огромная суша.
Стоят деревья, серебрится ковыль,
Проходят стада, шевеля курдюками,
Плывет и струится вселенская пыль.
И кто-то невидимый, за облаками,
В гагачьих мехах утопая по грудь,
Тяжелую книгу листает, читает,
Пытаясь направить на истинный путь
Идущих по суше.
И не успевает.

* * *

Катится время, и саночки катятся.
Скоро приеду. Успеть бы покаяться...
Наскоро жил, падал в небо, как в пропасть,
Дней не считал, раздавал как чужое,
Красного солнца кипящую лопасть
Правил своей обожженной рукою,
Пел, не стесняясь, но — соло, не в хоре,
В море ходил под чухонской звездой.
Смутно в ночи браконьерское море!
Черной волною, как черной бедою,
Ухнет под килем, вскипит и провалится,
Выгнет стропила...
Успеть бы покаяться!
Все рассказать — как рубил, что повалено,
Все возратить — что нашел, что награблено,
В мыслях пройти от крыльца до погоста,
С чем и уйти.
Одиноко и просто.